

РЕЦЕНЗИИ

ПО ПОВОДУ АБСТРАКТНОЙ ЛЕКСИКИ

(О книге В. П. Сташайтене „Абстрактная лексика“. Вильнюс, „Периодика“, 1973, 184 с.)

Автор рецензируемой книги взялся за решение очень сложной задачи — изучение абстрактной лексики в старобелорусском языке на протяжении трех веков — с XIV по XVII в. — период подъема и упадка этого языка.

Новой и интересной является мысль исследовать лексику с точки зрения характера значения, отношения отвлеченного значения к понятийному содержанию. До сих пор лексика памятников старобелорусской письменности изучалась в основном в двух планах: в плане исчерпывающего описания лексических единиц целого памятника (более ранние работы) и в плане исследования лексики по определенным предметным или семантическим группам. На этом фоне задача исследовать лексику по характеру значения (абстрактная лексика — в противоположность конкретной) — как уже говорилось, интересная, но и трудная для выполнения.

Трудность заключается и в постановке задачи, и в определении объекта исследования, и в выборе методов для него.

Характер решения этих задач в рецензируемой книге вызывает ряд вопросов и возражений, которые нам и хотелось бы здесь выразить.

Прежде всего — о задачах, которые ставит перед собою исследователь. Что в абстрактной лексике подвергается изучению: способы образования этой лексики (тут речь не только о морфологическом, по терминологии В. В. Виноградова, способе, но и о тех, которые П. Сташайтене относит к стилистической функции абстрактных слов, — о различных видах лексико-семантического способа образования слов, по терминологии того же В. В. Виноградова)? Или абстрактная лексика анализируется с точки зрения значения, с точки зрения понятийного содержания слов

избранного „поля абстрактности“? И еще: что в абстрактной лексике изучается: ее эволюция в течение трех веков (с XV по XVII в. включительно) или синхронные отношения как внутри намеченной группы лексики, так и по отношению к другим лексическим группам (полям)? Получить убедительный ответ на эти вопросы в книге не удается.

Непонятны структура работы, принцип членения ее на части и соотношение внутри целого. Возьмем, к примеру, I часть книги. Она называется: „Лексико-смысловое содержание абстрактной лексики“, разделена на следующие разделы:

1. Семантическая структура слова. Слова-морфемы. Суффиксальные образования. Префиксальные образования. Сложные слова. Конверсивы.

2. Внутренняя валентность.

3. Полисемия.

Логико-смысловое содержание абстрактной лексики ни в этой, ни в других частях книги не рассматривается. В разделе „Семантическая структура слова“ разбираются вопросы словообразования, а не семантики. Но вопрос о внутренней валентности, т. е. о внутриморфемной сочетаемости, вынесен в следующий раздел, хотя он непосредственно относится к словообразованию. И совсем уж непонятно, почему за пределами раздела о семантической структуре слова оказалась полисемия: ведь это имеет непосредственное отношение к названию раздела „Семантическая структура слова“.

Корень зла — нелогичности структуры работы в целом — лежит, вероятно, во введении к книге. Оно и задает тон всей работе. Здесь определяется понятие абстракции в философии и психологии, подкрепленные цитатами из „Философских тетрадей“ В. И. Ленина и из сочинений Л. П. Горского. Указав, что в трудах лингвистов до сих пор „такие вопросы, как определение критериев отвлеченного слова для выделения его из всего словарного состава языка, принципы классификации абстрактной лексики не выдвигались, как

нам известно, ни в отечественной, ни в зарубежной лингвистической литературе" (с. 5), автор книги и сама не дает критериев для выделения абстрактной лексики. На с. 7 приводится цитата из труда Л. П. Горского, где рассмотрены виды абстракции — отождествление, аналитическая абстракция, процесс конструктивизации. На следующих двух страницах эти положения разъясняются. Но дальше эти виды абстракции не служат ни критерием выделения абстрактных слов и определения границ „поля“, ни принципом классификации абстрактной лексики.

Сразу же вслед за рассуждениями о способах абстракции начинает действовать мысль, высказанная еще в предисловии, где было сказано: „Делается попытка определить критерии абстрактных слов путем классификации по их словообразовательным, стилистическим и фразеологическим признакам“ (с. 3). Но ведь ясно, что классификация не может дать критериев выделения абстрактной лексики. Наоборот, только имея такие критерии (хотя бы как рабочую гипотезу), можно классифицировать слова данной группы. Оставив в стороне вопрос о способах абстракции, автор пишет: „...при решении вопроса о выделении отвлеченной лексики из всего словарного состава языка целесообразно классифицировать абстремы на определенные группы или раздельно по принципам их словообразования (имеется в виду морфологическая деривация) и стилистической принадлежности“ (с. 9). Зачем же нужны были рассуждения о способах абстракции: дальше-то они никакого развития не получают?

Но зато получает развитие и определяет содержание и структуру книги мысль о возможности определения критериев выделения абстрактной лексики путем ее классификации, как будто можно классифицировать объект, границы которого не определены даже в рабочем порядке. Классификация, как и следовало ожидать, не дала критериев определения абстрактной лексики, что и привело к расплывчатости и неопределенности границ исследуемой группы — объект исследования оказался не определен.

Поэтому к абстрактной („полуабстрактной“) лексике оказались отнесенными существительные собирательные и вещественные. Как можно доказать принадлежность к абстрактной (пусть „полуабстрактной“) лексике таких слов (в их прямом номинативном значении), как *братья* (с. 157), *стадо* (там же), *серебро* (с. 161), *золото* (там же), *млеко* (там же)? Нельзя доказать, тем более, что автор при изучении

абстрактной лексики, по существу, отказался от исследования грамматических, категориальных признаков (наличие / отсутствие мн. числа и пр.). О вещественных существительных сказано, что „их можно называть полуабстрактными, учитывая то обстоятельство, что они, будучи тесно связаны с предметностью, являются продуктом абстракции, обобщения“ (с. 167). Ведь „всякое слово уже обобщает“ (В. И. Ленин), значение любого слова, за исключением имен собственных, — продукт абстракции, в том числе и значения так называемых предметных существительных. Но ведь автор не относит их к абстрактной лексике.

Вот образец рассуждений автора, которые должны доказать, что слова *дерево* и *цегла* при обозначении ими строительных материалов относятся к вещественным, а следовательно, по мысли автора, к полуабстрактным существительным: „В некоторых случаях вещественное значение могут приобрести слова, которые в основном своем значении относятся к предметной лексике. Так, слова „дерево, цегла“ — это предметы, имеющие определенную форму. Между тем как те же слова, употребленные в значении строительного материала, уже относятся к вещественной лексике, ибо превращаются в бесформенную массу“. Дальше — пример из памятников с данными словами, а затем: „...здесь слова „дерево, цегла“ служат для обозначения материала, количество и форма которого определяется строящимся зданием, а не самими предметами, составляющими строительный материал. Хотя, например, кирпич может сохранять свою форму и величину в построенном здании, однако это слово в значении строительного материала теряет свое основное значение и переходит в лексема, обозначающую только вещество“ (с. 164, подчеркнута нами. — М. З.). Таких „экстралингвистических“, не имеющих никакого отношения ни к языку, ни к языкознанию рассуждений в работе очень много.

Таким образом, собирательные и вещественные существительные оказались за чем-то искусственно втянутыми в круг абстрактной лексики. Думается, что следовало бы рассмотреть три лексико-грамматические группы слов: абстрактные, собирательные и вещественные — как три самостоятельные группы, имеющие свои семантические, и грамматические особенности, а не стараться включить одну группу в другую. Забвение грамматической стороны этих групп существительных

привело к тому, что границы между ними стерлись.

Отсутствие критериев выделения исследуемого объекта сказалось и на классификации материала, а она, в свою очередь, определила структуру и направление исследования. На с. 10 дана следующая схема классификации абстрактной лексики:

Абстрактная лексика				Полуабстрактная лексика		
по словообразованию			по стилистической функции	по фразеологическому оформлению	собирает.	веществен.
субстантивная	адъективная	вербальная				
рука	твердость		роза (метаф.)	рука помощи		
душа		продажа	волость (метоним.) и т. д.			
время						

Самого поверхностного взгляда на таблицу достаточно, чтобы понять, что классификация проведена логически неверно: нет единого принципа распределения слов по классам, поэтому классы эти оказались пересекающимися; одно и то же слово может стоять одновременно в разных графах; оно может быть, скажем, „адъективным“, одновременно также „метафорой“ и в то же самое время входить во фразеологические сочетания. Не выдерживается и логический объем отдельных классов: абстрактная лексика делится на две части: на абстрактную и полуабстрактную лексику, иначе говоря, абстрактная лексика = абстрактная лексика + полуабстрактная лексика, т. е. с точки зрения логики, множество входит в свое подмножество.

Так как вся работа построена на этой классификации, то логический порок ее соответственно отражается на всей структуре книги. Автор различает 5 разрядов абстрактной лексики (первые 5 граф), не считаясь с тем, что графы эти выделены по разным признакам, имеют разный объем. Но собираемые и вещественные сюда уже не включаются.

Рассмотрим эти пять граф. Прежде всего бросается в глаза разномасштабность их: первые три графы должны объединять слова по словообразованию (по „морфологической деривации“, как указывается на с. 9). А две оставшиеся графы определяют слова по стилистической функции и фразеологическому оформлению. О словах четвертого разряда сказано: „Итак, абстремы, входящие в данный разряд, служат стилистическим средством высказывания“

(с. 13). Но ведь „стилистическим средством высказывания“ могут служить слова и из I, II и III разрядов. И наоборот, любое слово из четвертого разряда по образованию может быть отнесено в одну из первых трех граф. Таким образом все слова входят в несколько разрядов одновременно. В чем смысл такой классификации?

Относительно слов, выполняющих, по мнению автора, стилистические функции, так сказать, стилистически отмеченных. Им посвящается вся вторая часть книги, которая называется „Лингво-стилистические средства и лексическая сочетаемость“. Стоит она из следующих разделов: 1. Метафора. 2. Метонимия. 3. Аллегория. 4. Фразеология. Но все дело в том, что в работе не рассматривается стилистическая роль абстрактной лексики; не проведена жанровая и стилистическая дифференциация изучаемых памятников, не указаны стилистические особенности языка отдельных произведений. Если судить по списку исследуемых памятников, приведенному в конце книги, огромное большинство их — деловые памятники, главным образом, акты. Никакого анализа стилистической роли той или иной группы абстрактной лексики не делается, а по такому огромному количеству актов это едва ли вообще мыслимо сделать.

Непонятна следующая фраза автора, касающаяся стилистической роли абстрактной лексики (говорится вообще, а не применительно к отдельному памятнику письменности): „Абстрактная лексика уже по своей природе является в основном стилистическим средством выражения, а поэтому, видимо, не может быть сомнения в том, что

стилистический анализ ее правомерен" (с. 112). Мы не совсем уверены в том, что абстрактная лексика по своей природе является стилистическим средством выражения, но тем не менее считаем вполне допустимым и, вероятно, полезным ее стилистический анализ. Но что автор понимает под стилистическим анализом? Приведенные выше названия разделов этой части работы говорят о том, что здесь речь не о стилистической роли абстрактных слов, а опять-таки о способе их образования, как и в первой части работы, но уже не о морфологическом, а о лексико-семантическом (по В. В. Виноградову). Эти метафоры, метонимии и аллегории можно было дать в терминах чисто лингвистических — это различные способы переноса названия, при которых и образуются новые слова, а чаще — новые значения слов.

В таком же плане рассматривается и фразеология.

Иными словами, если отвлечься от логических ошибок и неоправданной терминологической пестроты, то вся классификация оказывается не классификацией самой абстрактной лексики, а перечислением способов образования этой лексики.

Несколько слов о методах исследования, применяемых автором в рецензируемой книге. Судя по тому, что изучению подвергается лексика памятников, написанных в течение трех веков, а также судя по некоторым замечаниям автора (напр., на с. 57—58, 140 и др.), исследование должно быть диахроническим, так как трудно предположить, что лексическая система в целом и его „абстрактное поле“ в частности оставалось без изменений в течение трехсот лет. Но диахронического исследования, рассмотренного эволюции абстрактной лексики в книге нет. Материалы всех памятников рассматриваются в одном временном плане как сосуществующие. Синхронным такое исследование назвать тоже нельзя, так как рассматриваемые явления беспрепятственно сопоставляются то с современным русским, то с белорусским и польским языками. Более того, явления старобелорусского языка подтягиваются под категорию и значения современного русского языка. Разительный пример: значения глагольных приставок в книге даются по „Грамматике русского языка“ 1952 г. (с. 30—41). Значения некоторых старобелорусских слов даются по словарю современного русского языка (с. 156—157); к сожалению, не указано, какой именно словарь использован (можно догадаться, что имеется в виду четырехтомный академический словарь). Этот

же прием, но не в столь явной форме, находит и в других местах работы (см. с. 19, 26, 28, 44 и др.).

В книге множество элементарных ошибок, которые полностью перечислить невозможно. Только несколько примеров: к „абстремам“ с суффиксом *-ка*, которые „чаще всего восходят к глагольным основам, обозначающая процесс, действие“, отнесены существительные: *опека, мука, зарука* (с. 26); к существительным с суффиксом *-от-* относятся *субота* и *рота* (с. 28). В существительных *торговля, купля, прикупля, закупля* выделяется суффикс *-л-* (с. 29), в *погоня* — суффикс *-н-я* (с. 28) и пр.

А вот ошибки другого рода: „Как известно, традиционная семасиология, т. е. наука о значениях слова, в XIX в. основывалась на младограмматическом направлении с его так называемым атомистическим изучением языковых явлений“ (с. 60). Любопытно, о каких семасиологических работах младограмматиков XIX в. идет речь? На с. 159 читаем: „Сквозь логическую призму рассматривает слова и Б. Уорф“ (имеется в виду работа Б. Уорфа „Отношение норм поведения и мышления к языку“). В чем же „логицизм“ Уорфа? В том, что: „По его мнению, имеется два вида существительных, обозначающих материальные предметы: существительные, обозначающие отдельные предметы, и существительные, обозначающие вещества“. В какой логике понятия классифицируются по признаку предметности и вещественности?

Сознавая, что рискуем показаться мелочными, хотим все же остановиться на способе цитирования и ссылке на труды тех или иных ученых, которыми пользуется автор рецензируемой книги. Ссылки на I и II тома работы А. А. Потебни „Из записок по русской грамматике“ даются по разным изданиям: по изданию 1888 г. (с. 114), на с. 111 год издания вообще не указан, а в списке литературы в конце книги дается лишь издание 1958 г. Создается впечатление, что автор читал один и тот же II том дважды: в издании 1888 г. и в издании 1958 г. На с. 114 говорится: „А. А. Шахматов выделяет словосочетания, не разложимые грамматически („два мальчика“), и словосочетания, не разложимые лексически („спустя рукава“), со ссылкой: А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Издание 2. 1941 г., с. 278. Но здесь мы находим словосочетания лишь первого типа, так как Шахматов говорит вообще только о синтаксических словосочетаниях. Откуда же взялись словосочетания второго типа? На следующей, 115 странице, говоря о том,

что „В. В. Виноградов является пионером в нашей стране в определении типов фразеологических оборотов“. В. П. Сташайтене ссылается на статью В. В. Виноградова „Основные типы лексического значения слова“ (ВЯ, 1953, № 5), где, как известно, намечаются типы значения слов, а не типы фразеологии. А классификация фразеологии дана ак. Виноградовым в работе: „Русский язык“, М.—Л., 1947, с. 21—28 и в сборнике „Академик Шахматов, сборник статей и материалов“, Изд-во АН СССР, 1947, с. 339—364. Мы остановились только на сносках, данных на страницах 114 и 115. Продолжать это „исследование“ нет ни возможности, ни необходимости.

Но эти прямые ошибки в ссылках — не самое худшее. Хуже, когда тому или иному ученому приписывается мысль (с точной ссылкой), ему не принадлежащая. Так, произвольно толкуется понятие рефлексивности у Г. О. Винокура (с. 88). Говоря о критике классификации фразеологии, данной В. В. Виноградовым, В. П. Сташайтене пишет: „Р. А. Будагов выделяет два типа значения — ближайшее и дальнейшее“ (с. 115). Получается, что эти типы значений Р. А. Будагов находит во фразеологии. На самом же деле в „Сравнительно-семасиологических исследованиях“ (Изд. МГУ, 1963, с. 7—8) читаем, что этими терминами, заимствованными у А. А. Потебни, Р. А. Будагов определяет ближайшее и дальнейшее значения слов. К фразеологии это отношения не имеет. Зачем же понадобилось приписывать ученому то, чего он не касался? На несколько работ, особенно иностранных авторов, ссылка дается по рецензиям в наших журналах, но это не оговаривается. Несколько раз, например, дается ссылка: „М. Dokulil. Theorie odvozování slov. Praha. — ВЯ, 1962, № 5“, но это не значит, что работа М. Докулила *Tvoření slov v češtině. I. Teorie odvozování slov. Praha* в 1962 г. напечатана в журнале „Вопросы языкознания“ Здесь помещена лишь рецензия на нее, написанная Г. П. Нешиденко, но фамилии рецензента В. П. Сташайтене даже не упоминает.

Затрудняет чтение рецензируемой книги терминологическая пестрота: одни и те же понятия в ней могут обозначаться разными терминами (напр., абстрактные слова на с. 3 названы абстрактами, а на с. 9 для них вводится термин абстрымы; не различаются термины такого типа, как управление — управляемость (напр., с. 137), нет различия между терминами морфологический и грамматический. Автор пишет: „Выше уже говорилось о внешней, или точнее,

морфологической валентности, по терминологии В. Г. Адмони“ со ссылкой: В. Г. Адмони „Закономерность конструкции как явление синтаксической формы“ — ВЯ, 1958, № 1 (страница не указана). Статья В. Г. Адмони в этом номере „Вопросов языкознания“ называется „Завершенность конструкции...“, и здесь автор говорит не о морфологической, а о грамматической сочетаемости.

Но еще более досадным является, пожалуй, обратное явление — многозначность терминов. Особенно „повезло“ термину валентность, который употребляется для обозначения самых разных отношений — и парадигматических (в том числе грамматических и стилистических) и синтагматических. Например, на с. 142—147 приводятся схемы („модели“) трех типов валентности для отдельных слов: 1. Потенциальная морфолого-парадигматическая валентность. 2. Потенциальная морфологическая валентность. 3. Потенциальная лексико-семантическая валентность. Из них только вторая схема отвечает обычному пониманию валентности как способности слова сочетаться с другими словами (валентность грамматическая, конечно, а не морфологическая, так как здесь речь о сочетании слов, а не морфем). А две другие схемы обозначают не синтагматические, а парадигматические отношения: схема 1 показывает, что данное слово „встречается в текстах во всех падежах как единственного, так и множественного числа“ (с. 143). Иными словами, оно имеет полную парадигму склонения. Следовательно, здесь показаны грамматические парадигматические отношения. Схема 3 отражает также парадигматические отношения, но уже лексико-семантические — способность слова вступать с другими словами в отношения синонимии, омонимии и пр. И только одна из ветвей этой схемы 3 — вхождение во фразеологию, — опять относится к сочетаемости. Непонятно, почему в этой схеме 3 парадигматические связи (две левые ветви) и синтагматическая (правая ветвь) даны в одном плане.

Кроме того, встречаются в книге контекстуальная и ситуативная валентность (с. 140), валентная синсемантия (с. 141) и пр. Таким образом, значение этого термина совершенно расплывчато.

Мы уже не останавливаемся на языке, которым книга написана, хотя не считаем это мелочью, так как неправильно употребленные слова: *аргументировать* вместо *объяснять* (с. 22), *существительное* вместо *существо* (с. 151, в цитате из О. Есперсена), неестественное для русского языка распо-

ложение слов в предложении в некоторых случаях делают изложение просто непонятным.

Недостатки языка в какой-то степени компенсируются схемами и таблицами, которых в работе довольно много, и в которых мысль автора выражается подчас яснее, чем на целых страницах изложения. Положительно, с нашей точки зрения, надо оценить и попытку автора книги установить „степень абстрактности“ абстрактных слов. Но критерий этих степеней надо искать, очевидно, в значении самих слов, а не в реалиях, обозначаемых этими словами, иначе получаются рассуждения, ничего общего не имеющие с языком (как, напр., о словах *дерево* и *целла*). Хорошо, конечно, что автор попытался осмыслить лексический материал, а не дал его в сыром виде, как это иногда делается в лексикологии. Но это осмысление не доведено до конца, книга написана наспех, материал как следует не выверен и не проанализирован.

М. Закарьян

Несколько замечаний по поводу книги „Общее языкознание. Методы лингвистических исследований“. М., „Наука“, 1973

Современное советское языкознание отличается разнообразием теорий и методов лингвистических исследований. Среди наших лингвистов можно найти сторонников различных школ и направлений. Это состояние советского языкознания хорошо отразил капитальный труд Института языкознания АН СССР „Общее языкознание“, вышедший в 3 книгах под ред. члена-корр. АН СССР Б. А. Серебrenникова¹. Отдельные главы этих книг написаны представителями различных лингвистических направлений.

Последняя, третья книга посвящена вопросам методов исследования, принятых в различных современных лингвистических направлениях. В VI главе этой книги, написанной членом-корреспондентом АН СССР Б. А. Серебrenниковым, делается попытка теоретически рассмотреть вопросы отношения частных методов лингвистических

к общей методологии лингвистической науки. Рассматривается отношение метода к теории, и, что особенно важно, в специальном параграфе рассматривается взаимосвязь марксистского диалектического метода и частных методов лингвистических исследований. В качестве иллюстраций автор берет в основном теории и методы структурализма. Критика структурализма с философских позиций, данная в этой книге, достаточно типична для нашей науки последнего десятилетия, поэтому хотелось бы на ней остановиться подробнее.

Структурализм здесь дается как направление единое и однородное, тогда как в настоящее время различие между направлениями, которые принято называть структуралистическими, как известно, велико. Это различие особенно глубоко между так называемым функциональным структурализмом, связанным с Пражской школой, и другими направлениями структурализма (дескриптивизм, глоссематика). Кроме того, не делается различия между зарубежными и советскими структуралистами, поэтому критика в адрес структурализма вообще, очевидно, относится и к советским сторонникам этих направлений.

В разделе „К проблеме взаимосвязи марксистского диалектического метода и частных методов“ автор совершенно правильно отмечает недостаточную разработанность вопроса отношения марксистского диалектического метода и методов конкретных наук: „К сожалению, во многих наших работах по марксистской философии о взаимосвязи марксистского диалектического метода и частных методов исследования говорится слишком обще и скупо“ 269.

Автор и стремится в данном разделе рассмотреть отношение методов лингвистических исследований к марксистскому диалектическому методу. В качестве иллюстрации взяты положения структурализма. Здесь подвергнуты критике следующие черты, которые автор главы считает присущими всему структурализму:

1. Стремление к непротиворечивому, объективному и экономному описанию языковых фактов.
2. Использование дедуктивных доводов исследования.
3. Элиминирование причинности.
4. Припущение роли познающего субъекта („принцип дополнителъности“).
5. Изучение естественных языков через призму искусственных (моделирование).
6. Понимание структуры языка, его реляционного каркаса как сущности языка.

¹ Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М., „Наука“, 1970. Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., „Наука“, 1972. Общее языкознание. Методы лингвистических исследований. М., „Наука“, 1973. Цифра после цитаты указывает страницу этой книги.

7. Релятивизм в теоретических следованиях.

„Все перечисленные выше теоретические принципы структурализма претендуют на значение общей теории познания. Они поразительно похожи на теоретические принципы философии позитивизма, которую уж никак нельзя обвинить в аспективной ограниченности“ 286. На следующей странице: „Только человек с заведомо предвзятым мнением может не заметить явной связи между постулатами позитивизма и постулатами теории познания структурализма. Разве не отсюда идут требования изучать язык как чистую форму, лишённую сущности, изучать только его структуру путем применения сугубо формализованных и математизированных методов, всяческое внедрение методов дедукции, основанного на производстве выводов из определенных аксиом, тенденция рассматривать живые языки сквозь призму искусственных языков и т. п.“ 287.

Рассмотрим хотя бы некоторые из тех черт структурализма, которые автор главы считает выражением особой теории познания структурализма. Он пишет: „... одним из основных девизов структурального языкознания является непротиворечивое, совершенно объективное и экономное описание языковых фактов“ 274. Останавливаясь на требовании непротиворечивости, автор пишет, что неизвестно, о какой непротиворечивости идет речь: о формально-логической, т. е. о противоречиях неправильного суждения или об объективных противоречиях. Затем говорится, что формально-логические противоречия (т. е. ошибки в суждении) надо, конечно, устранять. „Между тем диалектический материализм считает, что объективные противоречия должны быть включены в определение истины, в противном случае ее трактовка примет однобокий искаженный вид“ 275.

Тут прежде всего надо сказать, что требование непротиворечивости, полноты и простоты (не экономности!) находим далеко не во всем структурализме. В явном виде они высказаны в „Пролегоменах к теории языка“ Л. Ельмслева (копенгагенский структурализм) и в „Синтаксических структурах“ Н. Хомского (американский структурализм). Но против этих требований („принцип эмпиризма“ у Л. Ельмслева) еще в 1948 году выступал Владимир Скаличка, представитель пражской школы структурализма². Кроме того, эти требования относятся не к методу, а к теории, причем только к дедуктивной теории. Тре-

бование непротиворечивости дедуктивной теории не означает ни требования устранения ошибок в суждении, ни устранения объективных противоречий. Требование непротиворечивости дедуктивной лингвистической теории означает лишь то, что следствия, вытекающие из теории, не должны противоречить самой теории.

Как пример возможности существования логически непротиворечивой, но не истинной теории в главе приводится „новое учение“ о языке Н. Я. Марра. Но теория Марра — не дедуктивная теория, и ее непротиворечивость — это формально-логическая непротиворечивость в формулировании самой теории: язык — надстройка, надстройка классовая, следовательно, и язык — явление классовое. Тут, действительно, неверная предпосылка привела к неверному выводу. Но если говорить о соотношении теории „нового учения“ и выводов, которые из нее вытекают, то непротиворечивой ее никак не назовешь.

Как выражение позитивистской теории познания в книге рассматривается и требование логической простоты лингвистической теории. Существует интересный опыт измерения степени простоты лингвистической теории. Несколькими годами назад Л. Н. Сумарокова, используя теорию Н. Гудмена, измерила степень простоты (= степень сложности) теории частей речи, которая дается в школьных учебниках русского языка, и пришла к выводу об очень большой сложности этой теории (сложность ее выражается числом 97)³. Если же взять теорию частей речи В. В. Виноградова, которая дается в наших вузовских программах, то она окажется еще сложнее. А, например, система частей речи Ф. Ф. Fortunatova и А. М. Пешковского, которая была введена в школьные учебники в двадцатых годах нашего века, была во много раз логически проще⁴.

Какая из упомянутых теорий частей речи лучше? Вопрос, вероятно, надо решать, исходя из целей изучения: если нас интересует преимущественно формообразова-

² Скаличка В. Копенгагенский структурализм и „Пражская школа“. — В кн.: Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях, ч. II. М., 1960, с. 96—97.

³ Сумарокова Л. Н. К вопросу о критериях простоты грамматических систем. — В сб.: Логика и методология науки. М., „Наука“, 1967, с. 86—91.

⁴ Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М. 1938, с. 20.

ние — лучше система Ф. Ф. Фортунатова и А. М. Пешковского, если же — разнообразные нюансы семантического плана языка — система В. В. Виноградова.

Логическая простота теории еще не говорит, конечно, о ее истинности. Истинность дедуктивной теории определяется не ее логической простотой („экономностью“), а объяснительной силой, т. е. способностью объяснить наблюдаемые факты. Если же новые факты приходят в противоречие с теорией, т. е. теория не имеет достаточной объяснительной силы, создается то, что принято называть проблемной ситуацией, и тогда выдвигается новая теория, способная непротиворечиво объяснить эти новые факты.

Другой „грех“ структурализма — „... предпочтение дедуктивных методов исследования, применяемых в математике, индуктивным методам, широко используемым в традиционной лингвистике“ 277. Но кто сказал, что в какой-либо частной науке, на всем протяжении ее развития единственно верным, соответствующим марксизму методом исследования может быть только индуктивный метод? Ф. Энгельс писал: „Индукция и дедукция связаны между собой столь же необходимым образом, как синтез и анализ. Вместо того, чтобы односторонне превозносить одну из них до небес за счет другой, надо стараться применять каждую на своем месте, а этого можно добиться лишь в том случае, если не упускать из виду их связь между собой, их взаимное дополнение друг друга. По мнению индуктивистов, индукция является непогрешимым методом. Это настолько неверно, что ее, казалось бы, надежнейшие результаты ежедневно опрокидываются новыми открытиями“⁵.

Вера в непогрешимость индуктивных методов до сих пор, к сожалению, жива среди довольно большой части лингвистов. Будто бесконечное коллекционирование фактов — единственный удел языкознания как гуманитарной науки!

Применение дедуктивных или индуктивных методов должно соответствовать цели и объекту исследования, а это, в свою очередь, зависит от степени изученности объекта: если язык мало изучен, если науке известно мало фактов, если эти факты не систематизированы, не классифицированы, то, естественно, первым этапом должен быть сбор этих фактов, их систематизация,

описание, что должно проводиться в основном индуктивным путем. Если же язык хорошо изучен, т. е. факты его описаны достаточно полно, выявлены единицы в разных областях (уровнях) языка, если выработаны определенные принципы классификации этих единиц, то можно ставить и более серьезные задачи — проникновение в глубь языка, изучение его внутренней структуры. И тогда необходимо применение дедуктивных методов исследования. Но опять-таки не делая дедукцию единственным методом исследования. И не потому, что языкознание имеет дело с конкретными единицами, а потому, что язык, даже в аспекте одного только языкознания, — явление очень сложное и многостороннее (но совсем уж не такое алогичное, как принято считать), и поэтому абсолютизация одного метода обеднило бы полученные знания о языке. Необходимо разумное сочетание дедукции и индукции, как мы сочетаем в своих исследованиях анализ и синтез.

„Устранение причинности“. Б. А. Сербренников пишет: „Для некоторых крайних течений структурализма характерно полное устранение проблемы причинности“ 281. Исходя из того, что „марксистская философия не может отказаться от проблемы причинности“ (282), автор главы расценивает как позитивизм отсутствие исследованных исторических и социальных причин изменений в фонетической или грамматической системе языка в работах структуралистов. В качестве образца „этиминирования причинности“ указана работа Е. Куриловича. Последний в статье „О методах внутренней реконструкции“, написанной в 1962 г., останавливается на известном „закоме Вернера“ о передвижении согласных в германских языках⁶. В компаративистике это явление объясняется теорией субстрата: указывается, что изменение артикуляции связано с двуязычием, а двуязычие — с завоеваниями, миграцией и т. д. Е. Курилович же считает: „Внешние стимулы изменений — это нечто постороннее по отношению к системе фонем... Так, например, физиологические (артикуляторные) явления могут быть следствием социальных факторов, эти последние, в свою очередь, могут быть вызваны определенными политическими или экономическими

⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е, т. 20, с. 542—543.

⁶ Курилович Е. О методах внутренней реконструкции. — „Новое в лингвистике“, 1965, вып. IV, с. 403—405.

фактами (завоеваниями, миграциями, приводящими к билингвизму)... и т. д. Возникает вопрос, где же должно остановиться при объяснении германского передвижения согласных. По-видимому, сфера лингвистического объяснения должна быть ограничена именно лингвистическим аспектом рассматриваемого изменения, т. е. действительным состоянием системы до и после изменения"⁷. Е. Курилович объясняет германское передвижение согласных изменением в самой системе языка — изменением в корреляции согласных (артикуляционные отклонения от традиционного произношения → совпадения в системе фонем → фонологизация этих отклонений → изменения в фонологической системе). Таким образом, здесь как раз и выясняются причины передвижения согласных, но не внешние по отношению к языку, как это делалось раньше, а внутриязыковые — изменения в самой системе фонем, в характере фонемного противопоставления.

Мы не будем останавливаться на других чертах структурализма, которые автор главы считает претендующими на теорию познания структурализма и „поразительно похожими“ на философию позитивизма („принятие роли познающего субъекта“, „изучение естественных языков через призму искусственных“ и пр.).

Дальше читаем: „Из всего сказанного выше было бы совершенно неправомерно делать вывод о том, что изучение структуры языка особыми структурными методами абсолютно несовместимо с марксизмом. Структурные методы, способные открывать новые свойства языка, сами войдут в сокровищницу лингвистической науки. Речь идет только об общих философских основах структурной лингвистики“ 288.

Таким образом, как будто критикуются не методы структурализма, а его философские основы. Но как это делается? Философские основы выводятся из анализа лингвистических методов и теории. При этом ставится знак равенства между конкретным методом лингвистического анализа и философским методом познания, между отдельными лингвистическими теориями и философской теорией познания. Дедуктивные методы исследования, метод моделирования („изучение естественных языков через призму искусственных“ — это и означает в языкознании моделирование) рассматриваются как отражение позитивистской философии. Точно так же рас-

сматриваются и теоретические положения, принятые в разных структуральных направлениях. Всему структурализму (и советскому и зарубежному) приписывается наличие собственной теории познания, и эта теория квалифицируется как позитивистская (без ссылки на какое-либо конкретное позитивистское направление прошлого или современного).

Влиянием позитивистской философии объясняются и требования к дедуктивной теории (непротиворечивость, полнота, простота), и понимание структуры языка как его сущности. Так что автор не совсем прав, когда говорит, что он критикует не методы, а философские основы структурализма. Здесь методы лингвистических исследований и отдельные лингвистические теории, принятые в разных структуральных школах, возводятся в ранг философских методов и теории познания. Как можно говорить о совместности, скажем дедуктивных методов и требования к дедуктивной теории с марксизмом, если и то и другое рассматривается как проявление позитивизма? При этом не указывается, о каких структуралистах речь: о советских или зарубежных.

Это огульное обвинение всех языковедов, придерживающихся структуралистических теорий и использующих в своей работе структуральные методы исследования, в позитивизме стало возможным в серьезном академическом труде, вероятно, потому, что у нас действительно совершенно недостаточно разработаны вопросы отношения марксистского диалектического метода как философского метода и методов отдельных наук, в том числе и языкознания. Еще менее изучено соотношение отдельных лингвистических теорий и марксистской теории познания. Это обстоятельство и дает возможность поставить знак равенства между лингвистическими теориями и теорией познания, приписать лингвистическим теориям общеполитическую значимость

Отожествление лингвистических теорий и теории познания приводит к тому, что к лингвистическим теориям предъявляются требования, которые следует предъявлять к философским обобщениям. Это неправомерное расширение общеполитической значимости той или иной лингвистической теории и приводит к ложным, как нам кажется, выводам о существовании какой-то особой теории познания структурализма, компаративизма или еще какого-либо направления в языкознании.

⁷ Курилович Е. Указ соч., с. 404.

Поэтому, как нам кажется, совершенно прав Р. А. Будагов, отнюдь не сторонник структурализма, когда пишет: „Как бы ни были существенно разногласия среди советских лингвистов, как бы ни были серьезные расхождения по отдельным вопросам, советских лингвистов объединяет марксистско-ленинское понимание природы и сущности языка, законов его развития и бытования“⁸.

Что же касается „паразитической схожести“ некоторых черт теорий и методов структурализма с философией позитивизма“, то какие современные научные теории не обладают этим сходством? Позитивизм, особенно современный неопозитивизм, паразитирует на достижениях современной науки именно путем придания отдельным теориям отдельных наук общеполитическую значимость. И научные теории, верные на своем месте, в контексте данной науки, при такой гиперболизации перестают быть истинными. Но нельзя отказываться от той или иной теории или того или иного метода исследования только потому, что они используются каким-либо направлением неопозитивистской философии. Иначе пришлось бы отказаться чуть ли не от всей современной науки. (В языкознании пришлось бы отказаться не только от структурализма, но и от компаративизма.)

Но с другой стороны, как нам кажется, неправ С. К. Шаумян, когда он пишет: „Вопрос об адекватности той или иной научной теории и, в частности, той или иной лингвистической теории должен решаться средствами той науки, в рамках которой выдвинута данная теория. Философия не может служить орудием оправдания научной теории“⁹.

Думается, что философия может и должна служить орудием не только оправдания, но и отрицания лингвистической теории, но должна это делать с позиций подлинно диалектико-материалистических.

М. Захарьян

⁸ Будагов Р. А. Рецензия на кн. В. А. Зрегинцева „Язык и лингвистическая теория“ — „Вопросы языкознания“, 1974, № 1, с. 131.

⁹ Шаумян С. К. Философские вопросы теоретической лингвистики. М., „Наука“, 1971, с. 123.

Hermann Bieder (Salzburg) Das Litauische Statut von 1529

(Bemerkungen zur historischen Orthographie und Phonetik der altweißrussischen Rechtssprache)¹

Рукописи I Литовского Статута, почти не использованные филологами, дают богатый материал для изучения старобелорусского языка, являвшегося на протяжении нескольких столетий канцелярским языком Великого Княжества Литовского. Поэтому не случайно, что эти памятники письменности и культуры феодального Литовского государства в последние годы привлекают все большее внимание ученых, в том числе и филологов, не только у нас, но и за рубежом. Свидетельством этому является рецензируемая статья Г. Бидера.

В начале статьи автор делает небольшой экскурс в историю, давая краткий обзор общесторических условий, в которых формировался и развивался канцелярский язык Великого Княжества Литовского.

Главными в статье являются филологические изыскания автора, ряд его наблюдений в области фонетики и орфографии. Так, автор рассматривает отражение протетического „в“ (с. 115)², высказывает отдельные замечания об отражении полногласных и неполногласных форм (с. 116–117), цеканьи и дзеканьи (с. 124), анализирует отверждение губных согласных (с. 122–123), отверждение звука „р“ (с. 123), смягчение заднеязычных (с. 123–124), а также ряд других фонетических особенностей.

Заслуживают внимания наблюдения автора о написании „е“ на месте этимологического *д* (< *е) в безударном положении: *пенези, челеди, чинечи* и др. (с. 114–115). Данная особенность настолько часто отражается в Дзяльнском и Стлужком списках, по наблюдениям автора, прежде всего в деерпчастях несовершенного вида, что автор почти склонен говорить о ней как о вариантной норме.

Сравнивая полногласные и неполногласные формы, автор статьи отмечает, что последние в Дзяльнском и Стлужком списках отсутствуют (с. 116–117).

По наблюдениям автора, Дзяльнский и Стлужкий списки I Литовского Статута

¹ См. „Wiener slawistisches Jahrbuch“, 1973, Bd. 18, S. 111–127.

² В скобках указываем страницы рецензируемой работы.

значительно различаются между собой от-
ражением отвердения шипящих звуков
(с. 120—121).

Автор отмечает, что в списках I Ли-
товского Статута на месте общеславянских
*čj, *dj находятся „ч, ж“ (с. 122). Это, по
мнению автора, говорит о том, насколько
сильно влияние народного языка.

Однако, несмотря на сделанные авто-
ром отдельные наблюдения, в работе име-
ются некоторые неточности и даже ошибки.

Так, интересна мысль автора о неоди-
наковом отражении аканья в списках I Ли-
товского Статута: в самом древнем Замой-
ском, Дзялыньском и самом позднем Слуц-
ком (с. 113—114). Следует отметить, что
отражение аканья в старобелорусских па-
мятниках 16 в. явление редкое. Поэтому
некоторые подобранные автором примеры
являются неудачными. Например, в слове
„павезка“ в Фирлеевском списке, который
автор считает потерянным (с. 114), как и в
Слуцком („повеза“) после „п“ написано
„о“ Как показывают наши наблюдения и
исследование чешского ученого³, этимоло-
гическим здесь является звук „а“, а не
„о“, так как само слово „павезка“ ита-
льянского происхождения (польск. *pawez* —
„щит“)⁴. Это же значение слово имеет и в
I Статуте⁵. Следовательно, написания в
Фирлеевском и Слуцком списках следует
считать не орфографически правильными,
как утверждает автор, а сверхнормальны-
ми.

Далее, автор приводит ошибочное раз-
ночтение „роду“ по Слуцкому списку
На самом же деле в Слуцком списке напи-
сано не „роду“, как указывает автор, а
„ряду“, такое различие дано и в минском
издании⁶. Слово „раду“ написано и в
Замойском списке, и только в Фирлеевском —
„роду“ Это слово в Дзялыньском, Замой-
ском и Слуцком списках следует понимать
не как „род“, а как „ряд“

³ Denkstein V. Elementy wschodnie i zachodnie w czeskim uzbrojeniu XV wieku. — „Kwartalnik historii kultury materialnej“ (Warszawa), 1973, Rok XXI, N 2, s. 284. — „Nazwa pawęzy pochodzi z Włoch, gdzie naraftamy na nią w źródłach pisanych począwszy od 1229 r. Wywodzi się ona do nazwy miasta Pavia...“

⁴ Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1970, s. 400.

⁵ Статут Великого Княжества Литовского 1529 года. Под ред. К. И. Яблонского. Минск, Изд-во АН БССР, 1960, с. 241.

⁶ Там же, с. 34, сноска 31.

Следовательно, ни о каком „аканье“
здесь не может быть речи. Подобного рода
слово: „рад“, „врад“ и др. в Дзялыньском
списке всегда пишется через „а“, что го-
ворит об отвердении „р“

Слово же „паруку“ во всех списках
написано одинаково и в данном случае
автора ввела в заблуждение допущенная
в минском издании ошибка в указанном
разночтении Слуцкого списка.

В слове „волала“ после „в“ написано
„о“ не только в самом позднем Слуцком,
но и в самом раннем Фирлеевском списке,
только в минском издании это различие
не помечено.

Немало места в рассматриваемой статье
уделено буквам „ь“ и „ѣ“ (с. 117—119).
Следует отметить, что здесь наблюдения
и соображения автора построены на мате-
риалах минского издания, издатели кото-
рого не выработали твердых принципов
транскрибирования сокращенных слов
текстов рукописей I Статута, т. е. не выяснили,
когда при внесении в строку надстрочных
букв следовало писать „ь“, а когда „ѣ“;
поэтому одни и те же слова, например,
глаголы 3-го лица ед. и мн. ч. (маеть, мо-
гуть и т. д.) они писали то с „ь“, когда эти
глаголы были написаны полностью в стро-
ку, то без „ь“, когда в них буква „т“ была
вынесена над строкой, что означало сокра-
щение „ѣ“ Г Бидер, видимо, незнакомый
с подлинниками рукописей, такую тран-
скрипцию текстов принял за реальную
действительность и стал их „исследовать“
Между тем, этот вопрос подробно исследо-
ван по материалам рукописных списков I
Литовского Статута в опубликованных ра-
ботах С. А. Лазутки. В одной из них на
основе тщательного анализа палеографи-
ческих данных всех рукописей сделан вы-
вод, что „В Замойском, Дзялыньском и Слуц-
ком списках в глаголах 3-го лица насто-
ящего времени в ед. и мн. ч. (маеть,
будеть, тратить, спадывает, может,
дотычь и др.) после т обычно пишется ѣ
(сохраняем шрифт автор — примеч. ав-
торов). Здесь отклонения от данного пра-
вила встречаются редко и только в Фир-
леевском списке, где в подобных случаях иног-
да пишется „ѣ“⁷ И далее, проанализировав
составленную им таблицу вышеперечислен-
ных глаголов, С. А. Лазутка заключает:

⁷ Лазутка С. А. О некоторых особенностях графики и орфографии рукописей I Литовского Статута. — „Научные труды высших учебных заведений Литовской ССР. История“, 1972, XIII (1), с. 91.

„Из таблицы видно, что в Замойском, Дзьялыньском и Слудком списках нет ни одного случая, когда бы в этих глаголах после *m* был написан *z* или вообще не было бы никакого знака“⁸.

Остается пожалеть, что Г Бидер не успел познакомиться с названной работой, опубликованной в 1972 г., где подробно рассмотрены и другие вопросы, например, о правописании в различных списках вспомогательного глагола „ест“, „э“ вместо „е“ в частице „тэж“ и др.⁹.

Вызывает замечания и вводная часть статьи. Например, автор утверждает, что III Статут до раздела Речи Посполитой являлся основой права Польско-Литовского государства¹⁰. Известно, что III Статут действовал только в Великом Княжестве, а в Короне использовался только как вспомогательный источник права.

Сведения автора о рукописях I Литовского статута устарелые. Автор, по всей вероятности, не знает всех списков и переводов: I Статута, а поэтому ошибочно утверждает, как уже отмечалось, что утрачен Фирлеевский список. А между тем, еще в опубликованных в 1970–1972 гг. статьях были названы эти списки, дана довольно полная палеографическая харак-

теристика и указано место хранения Фирлеевского списка¹¹.

Все отмеченные ошибки и недочеты в статье Г Бидера, на наш взгляд, появились в результате того, что, во-первых, автор не ознакомился с оригиналами рукописей, а ограничился текстами опубликованных изданий I Статута, во-вторых, автору остались неизвестными новейшие исследования по этому вопросу советских ученых. Несмотря на все это, работа автора представляет известную ценность. Мы надеемся, что, обратившись к первоисточникам, автор легко устранит допущенные ошибки, само же начинание — исследование фонетики и орфографии рукописей I Статута — можно только приветствовать.

*Т Власова
Э. Гудавичюс*

¹⁰ „Das Litauische Statut von 1529, das 1566 und 1588 geändert und erweitert wurde, bildete bis zur dritten Teilung von 1795 die verfassungsrechtliche Grundlage des Polnisch-litauischen Staates“, с. 112.

¹¹ Lazutka S. Pirmojo Lietuvos Statuto Dzialynskio nuorašas. — „Bibliotekų darbas“, 1970, Nr. 6–7; Lietuvos Statutai lietuviškai. — „Literatūra ir menas“, 1971.IV.10: I Lietuvos Statuto Firlėjaus nuorašas. — „Bibliotekų darbas“, 1972, Nr. 10.

⁸ Там же, с. 92.

⁹ Там же, с. 93.